

ных основ, на которых можно было бы создать философские системы, органично сочетающиеся с православным мистическим опытом, с христианским теистическим мировоззрением. Диапазон этих позиций был достаточно широк – от теистического трансцендентизма до разного рода пантеизма, включая такое «изобретение» XIX в., как панентеизм. Тем не менее задача, поставленная перед русской философией – построение цельного знания о целостном бытии – так и не нашла своего адекватного решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Опыт философского оправдания христианства (о книге В. Несмелова «Наука о человеке») // В. И. Несмелов. Наука о человеке : в 2 т. – Казань, 1994.
2. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М., 1994.
3. Гогтишвили Л. А. Коммуникативная версия исихазма // А. Ф. Лосев. Миф–Число–Сущность. – М., 1994.
4. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. – Л., 1991.
5. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. – М., 1997.
6. Ионайтис О. Б. Русская средневековая философия и византийская традиция. – Екатеринбург, 1999.
7. Киреевский И. В. Полн. собр. соч. : в 2 т. – М., 1911.
8. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // А. Ф. Лосев. Миф–Число–Сущность. – М., 1994.
9. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993.
10. Несмелов В. И. Вера и знание с точки зрения гносеологии. – Казань, 1992.
11. Несмелов В. И. Наука о человеке. – Казань, 1905. – Т. 1.
12. Сковорода Г. С. Сочинения. – Минск, 1999.
13. Трубецкой Е. Н. К вопросу о мировоззрении В. С. Соловьева (по поводу статьи Л. М. Лопатина) // Мирозерцание В. С. Соловьева : в 2 т. – М., 1995.
14. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991.
15. Франк С. Л. Религия и наука в современном сознании : в 2 кн. – М., 1992.
16. Франк С. Л. Русское мировоззрение // Духовные основы общества. – М., 1992.
17. Франк С. Л. С нами Бог // Духовные основы общества. – М., 1992.
18. Хомяков А. С. Полн. собр. соч. : в 2 т. – М., 1900.

УДК 1 + 008

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ Р. ИНГАРДЕНА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Е. А. Тимощук (Владимир)

Р. Ингарден – ученик Э. Гуссерля, основателя философского учения феноменологии. Феноменология – это учение о предпосылках всякого мышления. Ингарден стремится вывести феноменологию на более реалистические позиции и поэтому обращается к литературному произведению как к примеру многослойности бытия. Он, кроме того, вводит такие важные характеристики социокультурных объектов, как интен-

циональность, точки неопределенности и конкретизация. Это делает феноменологическую методологию Р. Ингардена перспективным инструментом анализа культурного текста. Для экспериментального подтверждения студентам было предложено провести толкование текстов до знакомства с методологией Р. Ингардена и после. На основании полученных результатов можно говорить об эффективности феноменологии Р. Ингардена в образовательном процессе.

Ключевые слова: феноменологическая методология, анализ культурного текста, образовательный процесс, теория многослойности.

R. INGARDEN'S PHENOMENOLOGY IN EDUCATION

E. A. Timoshchuk (Vladimir)

Roman Witold Ingarden was a follower of E. Husserl, the founder of phenomenology. Phenomenology is philosophical enquiry into the foundation of all cognition. R. Ingarden aspired to put phenomenology on more realistic grounds and, therefore, he used literature work as an example of multi-layered objects of existence. He introduced such important characteristics of the socio-cultural objects as intentionality, the points of indeterminacy and concretization. This makes the phenomenological methodology of R. Ingarden a promising tool for the analysis of cultural text. In order to experimentally prove it, students were offered to interpret a text prior to being introduced to Ingarden's theory and after that. Based on the obtained results, we can talk about effectiveness of Ingarden's phenomenology in the education process.

Key words: phenomenological methodology, analysis of cultural text, educational process, theory of multi-layeredness.

Данное исследование преследует цель изучить возможности использования методологии Р. Ингардена в образовательном процессе, прежде всего, для интерпретации текста. Такая постановка вопроса продиктована потребностью обогащения эстетической теории интерпретации художественного произведения. Разработка многоуровневой системы оценки текста сохраняет свою актуальность, так как бинарные, дихотомические подходы утратили свою продуктивность в поликультурной, диалогической социокультурной реальности. Научная новизна исследования заключается в истолковании взаимоотношений проблем существования текста в культуре, в применении теории многослойности Р. Ингардена к литературному тексту.

Р. Ингарден получил подготовку в феноменологической школе Э. Гуссерля в 1912–1920 гг. Ингардена не удовлетворяло то, как Гуссерль решал вопрос существования реального мира с позиции трансцендентального идеализма. Для того, чтобы дать свою интерпретацию, Ингарден нуждался

Тимошук Елена Андреевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью Нижегородского государственного лингвистического университета (Владимирский филиал).

600024, г. Владимир, пр. Строителей, д. 14.

E-mail:ys@abhinanda.elcom.ru

ся в феноменологическом анализе формы и способа существования реального мира. Литературное творчество предоставляет феноменологу все возможности по раскрытию феноменов сознания в объективированном виде, ибо она содержит в себе отраженный социальный опыт. Художественное произведение совмещает несколько планов повествования. Автор то охватывает крупным планом всю эпоху, то «телескопирует» свое внимание на переживаниях одного героя.

До Р. Ингардена было три феноменолога, которые пытались применить феноменологический метод в литературе: В. Конрад, Р. Одебрехт и М. Гайгер. Они стремились разработать теоретическую систему феноменологической эстетики, которая исходила бы не из конкретных произведений, а из эстетического переживания чистого сознания и приобщает частно воспринимаемую ценность, являющуюся в сознании как смысл, ко всеобщей системе ценностей индивида.

Именно поэтому такой значимостью обладает исследование Р. Ингардена «Литературное произведение искусства» (1931), в котором применены принципы феноменологии к конкретным художественным текстам (А. Мицкевич, Р. Рильке, Г. Сенкевич и др.) [1]. Художественная литература служила прекрасным материалом для исследования «интенционального мира» и «потока сознания».

Текст, согласно Ингардену, имеет двухмерное и многоуровневое строение. Одно направление мысли разворачивается последовательно, от части к части. Эти фазы образуют квазивременное пространство произведения, и их можно назвать горизонтальной структурой. Образование «текст – контекст» создает «поток времени», имеющий противоречивую характеристику. Интертекстуальное время неоднородно, многомерно, субъективно.

Второе направление мысли отмечает множество разнородных элементов в каждой части. Разнородные элементы, или слои, образуют вертикальную (многослойную) структуру. Каждый завершённый литературный текст имеет двухмерную и многослойную структуру. «Вертикальный срез» текста образуют разнородные элементы в каждой части. Ингарден группирует четыре вида компонент: 1) слой звучания; 2) слой значения; 3) сюжетный слой; 4) слой видов.

Число слоев сводится к четырем лишь в простых произведениях. Там, где вводится косвенная речь, число слоев увеличивается, так как слова произносятся тем, кто сам входит в один из компонентов слоя. Являясь одним из предметов, такие герои выступают и отнесением к четырем другим слоям.

Первый слой отвечает за звучание слов предложений. Сюда могут входить такие характеристики, как темп, ударение, просодия, сочетание гласных и согласных. Второй слой имеет дело со значениями языковых единиц, особенно со значениями высших звуковых единиц, таких как предложения. Третий слой указывает на предмет повествования. В качестве подобного предмета могут выступать люди, вещи, события.

Особый интерес представляет четвертый слой. Это уровень схематизированных видов. Третий слой репрезентированных предметов служит лишь средством образования конечного, четвертого слоя, который актуализирует структурные единицы сознания.

Вид не есть результат наблюдения, скорее, «узнавания». Он находится в содержании нашего опыта, а содержание определяется разными причинами:

- а) свойствами самого предмета;
- б) обстоятельствами, при которых имеет место наблюдения;
- в) психофизическими особенностями.

Виды бывают не только зрительными, но и слуховыми, осязательными, а также внутренними, полученными воображением. Произведение состоит из видов, расставленных в нем как метазнаки, символизирующие отнесение к иной реальности. Текст литературного произведения – это своего рода схема, связанная с воспринимаемыми в уме вещами.

Взаимодействие указанных слоев и уровней создает эстетическое качество произведения и полифонию смыслов для читателя. Это форма бытия литературного произведения, его связь с читателем и с автором, его отношение к реальности.

Особое место в феноменологии социокультурных объектов Р. Ингардена занимает категория интенциональности. Особенность интенциональных объектов заключается в том, что они обязаны своей сущностью и существованием индивидуальному сознанию. Результаты изучения интенциональных объектов должны были быть использованы как аргументы против трансцендентального идеализма. Образы и герои литературного произведения призваны были сформировать базу данных интенциональных объектов.

Интенциональное бытие у Ингардена – это специфическое бытие социокультурных объектов, порожденных проективностью сознания, потребностью в самовыражении, идентификации (художественные герои, социальные ожидания, этнические представления, религиозные убеждения). Это также существование вымышленных героев, сюжетов, порожденных творческим мышлением.

Ингарден предположил, что эстетический объект насыщен «точками неопределенности» или узловыми моментами актуализации артефакта. Книга, архитектурный ансамбль, танец и т. д. с этой точки зрения есть смысловая репрезентация, еще незавершенная в своей интерпретации. Это эстетический объект, содержащий множество «незаполненных мест». Произведение искусства, продолжая свою жизнь во времени, постоянно подвергается субъективной конкретизации или индивидуальному «развертыванию» эстетического объекта, нахождению нового горизонта смыслов.

Точки неопределенности представляют основной критерий, который позволяет отличать эмпирические объекты от интенциональных. Они также позволяют Ингардену поставить проблему свободы вещей в онтологическом и гносеологическом плане.

Эстетические объекты представляют собой «схематическую формацию» с точками неопределенности, которые заполняются во время индивидуального прочтения эстетического объекта. Так, если в реальной жизни линия поведения наглядна, то в эстетическом объекте зритель восстанавливает неочевидные детали. Например, в литературном произведении читатель сам конструирует недокументированные детали эстетического объекта: это может быть местонахождение героя, его окружение, инте-

рьер и т. п. Текст как бы задает «скелет» эстетического объекта, а читатель наращивает его «плоть».

В процессе обращения к эстетическому объекту на стыках точек неопределенности происходит конкретизация [3–4]. Конкретизация эстетического объекта – это способ установления связей между текстом и вызванных им схем прочтения. Ингарден ввел это понятие для процессуального развития точек неопределенности текста: «...следует различать *само произведение* художественной литературы как художественный объект и его эстетическую *конкретизацию* как объект эстетический» [2, с. 71]. Если точки неопределенности текста являются первым инструментом умножения смыслов эстетического объекта, то конкретизация является вторым. Вкупе «схематичность» артефакта и его конкретизация дают тексту мощный ресурс потенциальности и интертекстуальности.

Р. Ингарден обратил внимание на множественность конкретизаций, возможность их несовпадения с самим текстом. Каждое обращение к произведению, сделанное через какое-то время, рождает новую канву конкретизации или углубляет старую конкретизацию, обогащает ее дополнительными смыслами.

Многослойная онтология Р. Ингардена, с одной стороны, вписывается в общий контекст становления неклассической теории сущего, а с другой – является наиболее реалистичным отражением многообразного социокультурного бытия литературного текста. Категория интенционального у Р. Ингардена заполняет онтологический «провал» между материальным и идеальным, герои произведений обретают особую субстанциональность. Пустота (точки неопределенности) в феноменологии Р. Ингардена является структурной опорой социокультурной реальности. Понятие «конкретизация» Р. Ингардена когерентно отражает процессуальную природу разворачивания литературного произведения. Таким образом, феноменологическая методология Р. Ингардена существенно повышает рефлексивность субъекта в рамках образовательного процесса, связанного с изучением культурологических дисциплин. Несомненна практическая значимость феноменологии Р. Ингардена для преподавания всех социально-гуманитарных и социально-экономических дисциплин, в особенности культурологии, философии, эстетики, литературоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ingarden R.** Das literarische Kunstwerk. Eine Untersuchung aus dem Grenzgebiet der Ontologie, Logik und Literaturwissenschaft. – Halle : Niemeyer, 1931. – 430 p.
2. **Ингарден Р.** Исследования по эстетике. – М. : Иностр. литература, 1962. – 572 с.
3. **Борзова А. В.** Экзистенциально-креативные аспекты феномена образования // Философия образования. – 2007. – № 2. – С. 98–103.
4. **Власова О. А.** Проблема опыта в феноменологической психиатрии и экзистенциальном анализе // Философия образования. – 2007. – № 2. – С. 332–337.